

долго, часа два... Затем снял иконы, приложился к ним, обошёл с ними избу, двор весь, окрестил ими всю скотину, завязал бережно в узелок и отнёс к бабушке» (1 : 235). Но на другой день вернулся из сумасшедшего дома сын его Нифатка и, даже не узнав отца, молча прошёл в избу: «Бабушка! – прошептал он, как-то испуганно взглянув на образницу, – где же иконы святые? где же Заступница скорбящих, Миколай угодник, Михаил архистратиг? где же они? кому же молиться-то... а?» (1 : 236). И тогда отчаявшийся Николай Суетной повесился на придорожной ракитке. А свояк его, Абрам Петрович, сказал: «Молоканство, вишь, принять – грех, а повеситься – ничего!» (1 : 238).

Библиографический список

1. Салов И. А. Грачёвский крокодил. Повести и рассказы. М., 1984.

Н. Г. Морозов

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

МОТИВ «ФУТЛЯРНОЙ» ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «МОЯ ЖИЗНЬ»

В повести А. П. Чехова «Моя жизнь» все повествование идет от лица главного героя, дворянина Мисаила Полознева, проживающего в одном из среднерусских провинциальных городов. Этот герой лишь с первого взгляда кажется неудачником, человеком со странностями, за что и подвергается резкому осуждению со стороны отца и добропорядочных обывателей.

Первая часть повести «Моя жизнь» построена таким образом, что главный герой даёт выговориться всем, кто имеет претензии к нему в связи с беспутной и нескладной жизнью героя, упорно не желающего делать карьеру человека, занимающегося «умственным трудом» (по выражению Полознева-отца). Но в определенный момент Мисаил не выдерживает и начинает давать оценки всему, что окружало его с детских лет и с чем он не может более соглашаться. Герой начинает объяснять читателям истинную причину своего поведения, в чем-то напоминающего позицию Ильи Ильича Обломова, отвергающего варианты Волкова, Судьбинского, Пенкина, а затем и планы Штольца заодно с его «ученицей» Ольгой Ильинской. Мисаилу, как и его литературному предшественнику Обломову, претит фальшь, лицемерие и бездарная, бескрылая жизнь, которую ведут горожане и его отец.

Важное значение в раскрытии мысли автора, связанной с конфликтом отцов и детей, имеет разговор Полознева-старшего с Мисаилом по поводу ужасной, с точки зрения почтенного архитектора, ситуации, в которой оказался его единственный сын и наследник. Мисаилу Полозневу уже 25 лет, у него серебрятся виски, а он до сих пор не сделал успешной карьеры, «не окончил в университете»,

как многие его сверстники. Он уже поменял несколько должностей, отовсюду его изгоняли, так как он работать не хотел. И вот, после очередного скандала и потери места, отец вызывает Мисаила для окончательного разговора. Полознев-старший все ещё не теряет надежды образумить сына и наставить его на путь истины, спасти хотя бы честь семьи. Но так полагает Полознев-старший, а Полознев-младший думает обо всей этой ситуации совсем иначе. Мисаил убежден, что та жизнь, которую предлагает ему принять его отец, – мертвенная, механически однообразная, бессодержательная. Такая жизнь недостойна человека совестливого, духовно чуткого к красоте, добру и правде, сознающего ответственность перед Тем, кто сотворил этот мир и послал его жить в нем. Достаточно уловимый намёк на то, что есть иная, более достойная человеческого призвания жизнь, а не своего рода пародия на нее, наблюдаемая Мисаилом с чувством отвращения, содержится в оценках героя, касающихся отца, его речей, его деятельности в качестве городского архитектора, да и всей обстановки, в которой не живут, а прозябают обыватели провинциального города. Полознев-младший в какой-то момент остро понял, что так жить дальше нельзя, что такая жизнь – святотатство перед Богом, истиной, красотой. В Мисаиле как раз горит тот «небесный огонь», о котором фарисейски разглагольствует Полознев-старший во время своей душеспасительной беседы с сыном-отступником. Но Мисаил ради этого «небесного огня» и не желает заменять себя на пустые хлопоты, на служение псевдоценностям. Здесь уместно привести отрывок из сценки драматического выяснения семейных отношений, чтобы окончательно уяснить мысль автора об общественном вреде людей, подобных городскому архитектору Полозневу:

«Отец, когда я пришел к нему, сидел глубоко в кресле, с закрытыми глазами. Его лицо, тощее, сухое, с сизым отливом на бритых местах (лицом он походил на старого католического органиста), выражало смирение и покорность. Не отвечая на мое приветствие и не открывая глаз, он сказал:

– Если бы моя дорогая жена, а твоя мать была жива, то твоя жизнь была бы для нее источником постоянной скорби. В ее преждевременной смерти я усматриваю Промысл божий. Прошу тебя, несчастный, – продолжал он, открывая глаза, – научи, что мне с тобою делать?» (1 : 192).

Невольно создается впечатление, что эту речь он заранее подготовил. Вся смиренная поза, трагическая маска, которую он на себя надел, чтобы внутренне полюбоваться возвышенной и скорбной ролью отца, страдающего от бесчинств сына, – все это мгновенно исчезает, когда Мисаил заявляет о своем отказе от наследства. Вот здесь игра заканчивается, и Полознев-старший показывает настоящее свое лицо. Весь его глубокомысленный тон и показное смирение мгновенно исчезают, и перед нами окажется не мудрый и чадолюбивый отец, любящий, жалеющий неудачливого сына, а злой, инфантильный и заносчивый старик. Этот мерзкий старик начнет визгливым голосом ругать сына «безмозглым, тупым» человеком, а потом в остервенении начнет бить его по голове и по плечам зонтом.

Эту отвратительную сцену увидит сестра Мисаила – существо несчастное, подавленное деспотичным родителем. А Мисаил будет стоять послушно,

держат руки по швам, вынося терпеливо это издевательство и боль. Но герой вовсе не трусливый раб. Мисаил искренне и глубоко жалеет этого старого человека, любит его сыновней любовью и жалеет свою несчастную сестру. Следовательно, здесь автор устами героя обличает не только нравственное падение, интеллектуальное ничтожество одного из столпов города, своеобразного предводителя поколения дворянских отцов провинциального уголка России. Автор даёт новый поворот тургеневской теме «отцов и детей»: у него извечный конфликт поколений осложнен не политикой, но религиозно-нравственным кризисом. Это обстоятельство придаёт конфликту трагизм вселенского масштаба.

Из «разговора» Полознева-отца с несчастным Мисаилом становится известной история дворянского семейства Полозневых, уходящая корнями не только в начало XIX века, к героическим событиям Отечественной войны 1812 года, но и к временам, ей предшествующим. Историко-культурный диапазон здесь столь широк, что в границы его укладываются не только судьбы Мисаила, его сестры, других представителей отцов и детей, выведенных автором, но и вся Россия. Тургеневский конфликт поколений в повести Чехова «Моя жизнь» оказывается не в меньшей степени общерусским, касающимся дальнейшей судьбы дворянства и крестьянства. Но и «отцы» в повести Чехова другие. На рубеже столетий дворяне, подобные братьям Кирсановым, оказались вытесненными на обочину русской провинциальной жизни. Их место заняли люди, подобные Полозневу-отцу. И потому Чехов, столкнувшись с таким явлением в общественной жизни России, начинает искать и находит наиболее подходящее для изображения этой разновидности мелких людей с дворянской кровью особые художественные средства.

Итак, в монологе героя – Мисаила Полознева – перед читателем открывается не только история молодого человека, не нашедшего места в жизни. Оказывается, причину своего дерзкого и вызывающего решения стать человеком из простонародья и посвятить себя целиком тяжкому физическому труду, Мисаил Полознев по праву находит в интеллектуальном и духовном бесплодии обитателей домов на Большой Дворянской улице. Символом этой закоренелой, давней бездарности людей, «живущих умственным трудом», для Мисаила является его отец, городской архитектор. К тому моменту, когда рассказ Мисаила о своем родителе доходит до пункта, содержащего оценку деятельности Полознева-отца на посту городского архитектора, со всей очевидностью определяется значение этого персонажа в уяснении мысли автора о судьбе дворянства в России рубежа веков.

В сущности, весь объем текста, в котором сын даёт убийственную оценку своему отцу, оказывается первым литературным опытом Чехова в изображении типичного для его будущей «маленькой трилогии» человека в «футляре». Черты типологического родства архитектора Полознева с гимназическим учителем Беликовым достаточно легко выявляются даже при поверхностном сопоставлении героев. Признаки, свидетельствующие о потенциальном тяготении образа Полознева-старшего к учителю гимназии Беликову, обнаруживаются уже в первой сценке, где Мисаилу предстоит выдержать тяжелый и неприятный разговор с бранью и побоями. Вряд ли случайной подробнос-

тью оказывается поза и выражение лица Полознева-старшего: «Отец... сидел глубоко в кресле с закрытыми глазами» (1 : 192). Инстинктивное стремление героя вжаться в кресло, забиться в него поглубже, как в некую пещёрку, щель – важная психологическая деталь, подкрепляющая аргументацию о подсознательном «футлярном» отношении родителя Мисаила ко всему, что не укладывается в общепринятые формы общественной жизни. Беликов тоже боится действительности, жизни, всего нового в ней. Потому и прячется за мертвые языки – латынь и греческий. А закрытые глаза Полознева-старшего? Это все та же, беликовская по сути, манера «футлярного» человека загородить органы зрения от раздражающих его, неприятных ему явлений действительности. До темных очков дело ещё не дошло, но тенденция – налицо. Во время вечерней прогулки под руку с двадцатишестилетней дочерью по Большой Дворянской улице, архитектор Полознев, указывает на звезды зонтиком, которым он недавно жестоко бил сына, высокопарно разглагольствует о своём и человеческом ничтожестве перед ликом вечно прекрасной природы, огромности мироздания, в сравнении с которым человек не может не сознавать своей ничтожности. Слагая вдохновенный гимн, прославляющий рабское пресмыкательство червяка перед красотой и мощью Творца, сотворившего прекрасную вселенную, архитектор Полознев совершает акт кощунственной хулы на Бога через унижение лучшего и прекраснейшего из Его творений – Человека, созданного по образу и подобию Божьему. Здесь разоблачение лжи, фальши, пошлости Полознева-отца достигает кульминации, а все детали его предыдущей личностной и портретной характеристики обретают значение знаков-атрибутов героя беликовского типа.

Вот Мисаил замечает, что лицо отца напоминает сухое, изможденное лицо католического органиста. Это лицо не родного человека, но какого-то чужеземца, исповедующего какие-то свои, далекие от живой русской жизни догматы. Это лицо иступленного фанатика, иссушенного идеей, овладевшей его сознанием. Все, что с этой сверхценной идеей не соотносится, отвергается героем с брезгливостью и с отвращением. Не о судьбе непутевого сына печется Полознев-старший. Внутренне этот человек оскорблен и разгневан вызывающим и открытым неприятием той системы ценностей, которой он служил и служит самозабвенно. В действительности, все обвинения, брань и упреки, адресованные Мисаилу, вызваны стремлением архитектора отстоять проект истинно прекрасной жизни, достойной всякого уважаемого в обществе человека. Но этот проект, план успешной жизни, является «футлярным». Он есть одно из проявлений «футлярного» мышления, «футлярной» сущности Полознева-отца.

Откуда взялся в знаменитом и заслуженном дворянском роде Полозневых такой тип человека? Видимо, он «дремал» в генах этого семейства до поры-времени, дожидаясь своего часа. Бездарный провинциальный поэт-стихоплет в роду Полозневых является духовным предтечей не менее бездарного городского архитектора Полознева. Но если при упоминании о прадедушке-стихоплете в сознании Мисаила может возникнуть чувство смешанной иронии и грусти, то мысли об отце этого чувства не вызывают. Все обстоит гораздо драматичнее.

Подобно Беликову, Полознев-отец постепенно берет город и живущих в нем людей умственного труда в незримые, но крепкие руки. Его костлявые пальцы вычерчивают не просто планы скверных домов, где главными помещениями оказываются парадный зал для чиновных гостей и столь же парадная гостиная. Полознев-старший становится архитектором душ обывателей, подгоняя их под жилые объемы уродливых пространств, создавая по своему разумению незримый архитектурный ландшафт в сознании обитателей Большой Дворянской. О том, каков этот, старательно выстроенный архитектором-педантом духовный ландшафт города, можно судить по метким замечаниям наблюдательного и беспощадно-правдивого Мисаила. И сколько же в этих наблюдениях примет «футлярного» образа жизни и мыслей в духе Беликова!

Например, взрослая дочь Полознева ходит под руку только с отцом, который является блюстителем морали, совсем как учитель латыни и греческого Беликов, ужаснувшийся при виде Вареньки, катившей на велосипеде вместе с братом на летнюю загородную прогулку. Беликовской странноватостью облика и манер веет и от архитектора Полознева, водрузившего на голову старомодный цилиндр с большими загнутыми полями. Если к этому давно вышедшему из моды головному убору прибавить зонтик, прихваченный Полознев-отцом на прогулку теплым майским вечером, то сходство с будущим любителем в любую погоду, даже летом, выходить на улицу в теплой шинели, в галошах и с зонтиком становится весьма ощутимым. Наконец, известная портретная характеристика Беликова, начинающаяся с калош и зонтика и этими же предметами заканчивающаяся, предвосхищается в обширной характеристике-портрете архитектора Полознева. Среди многих деталей, касающихся характера этого мелочного, бездарного человека, его повадок жестокого домашнего деспота, исковеркавшего судьбы своим детям, выплывает на передний план и завершает, покрывая и охватывая все его свойства старомодный цилиндр с большими загнутыми полями. Дома, которые понастроил архитектор Полознев, напоминают этот уродливый, давно вышедший из моды цилиндр. Сам Полознев-старший с его наставительными поучениями о родословной Полозневых и обязанности Мисаила заниматься умственным трудом, оглядываясь на заслуги предков и житейские достижения сверстников, – в чем-то подобен этому же старомодному, нелепому цилиндру.

Так, уже с первых страниц повести А. П. Чехова «Моя жизнь», восходящая к роману И. С. Тургенева тема отцов и детей, обретает чеховское звучание, но не утрачивает при этом тургеневской масштабности и глубины. И потому следует отметить глубокие истоки конфликта отцов и детей в чеховской повести, уходящие в прошлое дворянской России. Потому-то детали портрета и особенности характера Полознева-старшего касаются не только мотива «футлярного» образа жизни этого героя, но также имеют отношение и к раздумьям автора о том, что дворянская Россия рубежа XIX и XX веков исчерпала себя как творчески одаренная, умная и созидательная сила.

Библиографический список

1. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1974–1983. Сочинения. Т. 9.